

Сагадиева Дана

Университет «Туран-Астана», Казахстан

Правовое регулирование института суррогатного материнства.

В современный период заметно возрастает интерес мировой общественности к проблемам, связанным с бурным распространением новых медицинских технологий, таких как трансплантация органов и тканей человека, репродуктивные технологии, клонирование. Их появление вызвало неожиданные, в том числе и негативные последствия. В этой связи проблемы соблюдения прав человека при применении таких мер, правового статуса личности, а также договорных отношений участников приобретают особую остроту и требуют принятия мер законодательного характера. [4]

Отношение большинства стран к новым методам репродуктивных технологий пока остается неоднозначным. Это объясняется многочисленными морально-этическими, религиозными и, прежде всего, правовыми проблемами данного вопроса. Несмотря на то, что в начале девяностых годов двадцатого века некоторые государства положительно отреагировали, прежде всего, на идеи экстракорпорального оплодотворения, т.е. оплодотворения женщины искусственным путем или с использованием донорских органов, их одобрение было направлено только на некоммерческие предприятия и проведение такого рода действий в качестве экспериментов. [5]

Семейное право РК не может оставаться безучастным к проблемам появления детей, чье рождение стало возможным благодаря достижениям в области различных отраслей медицины. Семейно-брачное законодательство нашей страны позволяет гражданам и в этой сфере супружеских отношений выбрать наиболее приемлемую модель поведения.

До 1999 г. говорить о реальной возможности применения суррогатного материнства как метода лечения от бесплодия, а значит, и о возможностях его легализации в Республике Казахстан не приходилось в связи со слабой разработанностью новых методов репродуктивных технологий в отечественной

медицине. Позднее, когда использование терапии бесплодия, технологии зачатия, искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, анонимного донорства половых клеток в практической деятельности казахстанских клиник стало возможным, возникла необходимость в правовом регулировании данной сферы.[3]

Закон о браке и семье от 17 декабря 1998 г. предусмотрел возможность заключения договора суррогатного материнства. Принятый 16 июня 2004 г. Закон «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» более детально закрепил правовое регулирование отношений, связанных со вспомогательными способами зачатия.

В главе 1 вышеуказанного Закона даются следующие определения:

- суррогатная мать — женщина, вынашивающая плод после введения донорского эмбриона;
- имплантация эмбриона — введение в полость матки оплодотворенной яйцеклетки.

Существуют различные методы искусственного оплодотворения, каждый из которых имеет свою специфику и с медицинской, и с психологической, и с морально-этической точек зрения. В каких-то случаях применяется метод, при котором сохраняется родство с обоими родителями, в других случаях только с одним из них, либо родство вообще исключается. [6]

Закон Республики Казахстан «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» регламентирует суррогатное материнство статьей 17. Согласно данной статье суррогатное материнство предполагает вынашивание и рождение ребенка, включая случаи преждевременных родов, по договору суррогатной матери и потенциальными родителями с выплатой вознаграждения или без такового. Договором суррогатного материнства является соглашение между лицами, желающими иметь ребенка, и женщиной, давшей свое согласие на применение метода имплантации эмбриона.

По договору суррогатного материнства выплата вознаграждения необязательна, хотя законодатель указывает на то, что в договоре должны быть

предусмотрены порядок, и условия оплаты материальных расходов на содержание суррогатной матери. Также по договору суррогатного материнства может быть предусмотрена выплата вознаграждения, предоставление встречного удовлетворения, поэтому данный договор может носить возмездный и безвозмездный характер.

Закон устанавливает обязательные условия договора о суррогатном материнстве, его письменную, нотариально удостоверенную форму, правовые гарантии оплаты услуг суррогатной матери и передачи рожденного ребенка родителям-заказчикам, а также другие нормы, позволяющие равным образом защитить субъектов отношений, возникающих ввиду использования суррогатного материнства, под страхом гражданско-правовой ответственности.[1]

Несмотря на то, что нынешнее законодательство направлено на регулирование практически всех внутренних отношений сторон договора о суррогатном материнстве, оно далеко не совершенно.

Во-первых, пробел в правовом регулировании суррогатного материнства, прежде всего, видится в отсутствии законодательно установленных дополнительных требований к кандидатуре женщины, желающей стать суррогатной матерью. Законом предусмотрено, что еще до заключения договора потенциальная суррогатная мать обязана предоставить полную информацию о своем физическом, психическом и репродуктивном здоровье, а также результаты медико-генетического обследования. [1] Больше никаких требований к ней не предъявляется. Опыт мировых государств, практикующих законодательное регулирование суррогатного материнства, доказывает необходимость установления дополнительных требований к кандидатуре в суррогатные матери — возрастного ценза (как, правило, он составляет 18–35 лет) и наличия собственных детей. Необходимость введения возрастного ценза связана не только с физиологической возможностью вынашивания и рождения здорового ребенка, но и с гражданской дееспособностью субъектов, заключающих договор о суррогатном материнстве. [5]

Одним из центральных спорных моментов в настоящее время также является вопрос о возможности оставления ребенка у суррогатной матери. П. 4 ст. 17 Закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» закрепляет, что суррогатная мать не вправе отказаться от передачи рожденного ребенка лицам, заключившим с ней договор, а равно передавать ребенка другим лицам. Придание казахстанским законодателем приоритета интересам биологических родителей, а не суррогатной матери, не признается бесспорным.

До сих пор вопрос о том, кто является родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, в правовой науке остается открытым. Одни придают официальный статус настоящих родителей супругам, предоставившим генетический материал, основываясь на биологическом родстве. Другие отдают предпочтение суррогатной матери, считая, что момент рождения ребенка, независимо от наличия каких-либо соглашений, совпадает с моментом возникновения семейно-правовой связи с ним, которая не должна игнорироваться законом. [3]

Невозможность отобрания ребенка у суррогатной матери без ее согласия, т.е. прямая зависимость записи супружеской пары, давшей согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, в качестве родителей ребенка от ее решения, предусмотрена законодательством многих стран мира.

На мой взгляд, с одной стороны позиция законодателя должна исходить не только из принципа соблюдения интересов «потенциальных родителей», но и самой суррогатной матери, так как она ввиду моральных и психологических переживаний, связанных с передачей ребенка, является более незащищенным субъектом. В этих условиях целесообразно закрепление права суррогатной матери после родов оставить ребенка, выплатив родителям-заказчикам расходы, затраченные на ее медицинское обследование, операцию по искусственному оплодотворению, ее содержание во время беременности и после, а также выплату вознаграждения (если таковое было оговорено сторонами) и возмещение морального ущерба. С другой стороны, такой подход сторонникам

этических аспектов суррогатного материнства вряд ли покажется справедливым, поскольку в большинстве случаев суррогатная мать не сможет выплатить сумму возмещения ввиду отсутствия у нее денег, ради получения которых она и становится «услугодателем», и будет вынуждена отдать ребенка «родителям-заказчикам». Тем не менее, с гражданско-правовой точки зрения услуга суррогатной матери ничем не отличается от других отношений по оказанию услуг в гражданском обороте. Становясь участником договора о суррогатном материнстве, суррогатная мать вместе с правами принимает на себя ряд гражданско-правовых обязанностей, которые подлежат исполнению, как и в любом другом гражданско-правовом обязательстве. В случае их неисполнения наступает гражданско-правовая ответственность. А значит, биологические родители вправе привлечь суррогатную мать к ответственности по договору в виде возмещения убытков. И такой подход представляется наиболее правильным и обоснованным.

Законодательно не решенными остаются также проблемы ответственности суррогатной матери в случае рождения неполноценного ребенка и права суррогатной матери оставить себе одного ребенка в случае рождения нескольких детей. Эти и другие вопросы должны разрешаться сторонами в индивидуальном порядке при заключении договора.

Если вопрос о юридической природе и содержании договора, заключаемого между суррогатной матерью и потенциальными родителями, в современный период законодательно более-менее оформлен, то вопросы обеспечения прав и интересов рожденного ими ребенка являются едва ли не самыми актуальными. Прежде всего, они связаны с неправомерностью отказа от ребенка, рожденного суррогатной матерью.

В настоящее время право суррогатной матери оставить ребенка у себя возникает только в случае отказа от него «потенциальных родителей». При этом эти лица обязаны выплатить суррогатной матери при условии принятия ребенка компенсацию в размере и порядке, устанавливаемых договором. В то

же время законодательно не закреплен перечень условий, по которым «потенциальные родители» могут отказаться от ребенка.

Сам вопрос о том, имеют ли супруги, давшие свое согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, отказаться от ребенка после его рождения, с теоретической точки зрения представляется весьма спорным. Пункт 4 ст. 49 Закона РК «О браке и семье» прямо предусматривает невозможность отказа потенциальных родителей от ребенка до момента его регистрации на свое имя в книге записей актов гражданского состояния. Считаю, что отказ этих лиц от такой записи в качестве родителей возможен лишь при условии принятия ребенка суррогатной матерью, с последующей выплатой ей компенсации в размере и порядке, установленном договором.

Несмотря на множество правовых проблем, и казусов запрет суррогатного материнства невозможен, прежде всего, потому, что достижения медицинских технологий должны служить интересам государства и его граждан. Если суррогатное материнство может помочь рождению генетически собственного ребенка тем родителям, которые по медицинским показаниям сами родить ребенка не могут, подобные технологии имеют право на существование. Кроме того, любой подобный запрет неизбежно связан с возникновением нелегального рынка, в условиях которого невозможно обеспечение реальных гарантий родителям и суррогатной матери. В этих условиях задача государства — создание не запретов, а прочной законодательной базы в рассматриваемой сфере.

В настоящее время можно с полной уверенностью говорить о том, что в Республике Казахстан только формируется правовая основа, способная упорядочить отношения по применению новых репродуктивных технологий. Это еще больше осложняется наличием огромного количества споров о гуманности и этичности применения этих методов. Представляется, однако, что при гибком регулировании отношений, возникающих по поводу использования

суррогатного материнства, решение правовых и этических проблем все-таки возможно.

Список литературы:

- 1) Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.)
- 2) Закон Республики Казахстан от 16 июня 2004 года № 565-ІІ «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» (с изменениями по состоянию на 27.07.2007 г.)
- 3) Уакпаева Г. Суррогатное материнство по законодательству Республики Казахстан // Юрист. — 2004. — № 3. — С. 81.
- 4) Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов / Сост. Л.Н.Шестаков. — М.: МГУ, 1990. — С. 30.
- 5) Современные зарубежные конституции. Учеб. пособие / Отв. ред. Б.А.Страшун. — М.: МЮИ, 1992. — С. 285.
- 6) Дрогонец Я., Ходерка П. Современная медицина и право. — М. — 1994. — С. 99.